

и передача их в ведение НКВД СССР; 1935.—середины 1937 гг. — введение типизации трудовых колоний НКВД на трудовые колонии обычного типа; трудовые колонии с особым режимом и изоляторы для подсудимых; дети, содержащиеся в трудовых колониях, назывались воспитанниками или заключенными; сер. 1937—сер. 1939 гг. — начало реорганизации ряда трудовых колоний открытого типа в закрытые учреждения; вторая половина 1939 — первая половина 1943 гг. — Отдел трудовых колоний несовершеннолетних заключенных вошел в состав ГУЛАГа НКВД, продолжился перевод колоний в закрытые учреждения; организация специальных колоний для осужденных по Указу № 199 за самовольный уход из училищ и школ ФЗО, формирование в детских колониях агентурно-осведомительской сети; середина 1943—1952 гг. — создание нового типа колоний, часть из которых получила статус специальных, что значительно улучшило положение заключенных в них подростков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГУЛАГ: 1918–1960: (Россия. XX век. Документы) / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 2002. 888 с.
2. Собрание Законов СССР. 1934. № 56.
3. Государственный архив Российской Федерации.
4. Архив Правительства Российской Федерации.
5. Тимофеев В. Г. Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события. Чебоксары: Чувашский гос. университет, 1999. 16 с.
6. Кокурин А. МВД: структура, функции, кадры. Статья шестая: (1946–1953) / А. Кокурин, Н. Петров // Свободная мысль. 1997. № 12.
7. Архив НИПЦ «Мемориал». Коллекция документов.

Тамара Николаевна КОНДРАТЬЕВА —
докторант кафедры археологии,
истории древнего мира и средних веков
Института истории и политических наук
Тюменского государственного университета,
кандидат исторических наук
ktamara1960@yandex.ru

УДК 930.1

ОБ ОДНОМ ОБСУЖДЕНИИ ШКОЛЬНОГО УЧЕБНИКА ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ (1934 г.)

CERTAIN DISCUSSION OF A SCHOOL TEXTBOOK ON MIDDLE AGES HISTORY (1934)

АННОТАЦИЯ. Статья освещает дискуссию о построении школьного учебника по истории Средних веков.

SUMMARY. The article deals with the discussion of the structure and content of school textbook on Middle Ages history.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Школа, учебник, дискуссия, медиевистика.

KEY WORDS. School, textbook, discussion, Middle Age.

«История — это политика, опрокинутая в прошлое». Эта фраза была произнесена в марте 1928 г. М.Н. Покровским, главным (в должностном смысле) постреволюционным историком СССР. М.Н. Покровский не только старался сделать эту максимум центральной политической установкой членов общества историков-марксистов, но и навсегда изгнать историю из преподавания, подменив вульгарными социологическими схемами, названными тогда «обществоведением». Однако потребность вернуть историю в школы и снабдить учителей соответствующей учебной и методической литературой постепенно становилась очевидной и насущной.

Задача написания по-марксистски правильных учебников была директивно сформулирована 5 сентября 1931 г. в постановлении ЦК ВКП (б) «О начальной и средней школе» [1]. Еще раньше в обществе историков-марксистов констатировали: «Ни школы второй степени, ни рабфаки не имеют до сих пор хорошего марксистско-ленинского учебника...» [2; 206; 3; № 1, 8]. 12 февраля 1933 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «Об учебниках в начальной и средней школе», в котором прямо поставил задачу издания «стабильных учебников, рассчитанных на применение их в течение большого ряда лет» [1; 167–168]. Тогда же в недрах Народного Комиссариата просвещения заработала комиссия по учебникам истории. Эта комиссия, в частности, признала уже представленный учебник А.И. Гуковского и О.В. Трахтенберга «История эпохи феодализма» неподготовленным, приняла решение привлечь для его переработки «специалистов старой школы» и поручила «т.т. Ванагу, Б. Граве, А. Панкратовой и В. Бернадскому написать учебник по истории России и истории СССР» [4; 103].

В течение года ситуация с учебниками практически не изменилась. В марте 1934 г. Политбюро ЦК ВКП (б) как минимум дважды касалось проблемы преподавания истории и школьных учебников. Ответственным за их написание был назначен тогдашний нарком просвещения А.С. Бубнов [5; 48–49].

На заседании в Наркомпросе от 8 марта 1934 г. А.С. Бубнов, услышав опасения ортодоксальных марксистов из Коммунистической академии Н.М. Лукина, А.М. Панкратовой, Н.Н. Ванага, что в новые учебники могут попасть классово чуждые факты и персонажи, раздраженно заявил: «Генриха IV-го или папу Григория VII-го, что вы выкидываете, это самое? Почему это не взять? У вас как папа, как царь — так в шею! Мы достаточно этим персонам надавали в шею, чтобы для марксистского воспитания их соответствующим образом использовать. Это можно сделать. У вас до сих пор есть такой атавизм. Мы живем, слава тебе, Господи, долго. Октябрьская революция на громадной дистанции от нас. Надо все-таки уметь мыслить в соответствии с эпохой. У нас вторая пятилетка — вот какая у нас эпоха! Надо же понять! Все понятия имеют способность меняться. Целый ряд весьма одиозных понятий, таких как «папа», «царь» мы в интересах коммунизма можем поставить на службу пролетарской диктатуре» [6]. На следующем заседании в Наркомпросе 13 марта 1934 г. красные профессора [7; 21–22] решительно возражали против старого деления истории на древнюю, среднюю и новую. 20 марта 1934 г. прошло заседание Политбюро ЦК ВКП (б), на котором присутствовали историки. На нем И.В. Сталин без всяких обвиняков заявил, что «нужны учебники с фактами, событиями и именами. История должна быть историей. Нужны учебники древнего мира, средних веков, нового времени, история СССР, история колониальных и угнетенных народов». 22 марта 1934 г. в Наркомпросе историки уже обсуждали хронологические границы «важнейших исторических периодов — древней, средней и новой истории» [6].

29 марта 1934 г. были утверждены авторские группы по написанию учебников. Руководителем группы по написанию учебника по средним векам был назначен Е.А. Косминский [4; 104]. Е.А. Косминский позиционировал себя как марксист, но был учеником Д.М. Петрушевского, долгое время работал в составе секции средневековой истории Института истории РАН ИОН, где марксизму иногда приносили некую ритуальную дань, но не более того [8; 67–83].

Надо сказать, что члены Общества историков-марксистов и красные профессора встречали перемены без восторга, но были вынуждены мириться с новыми реалиями [9; № 5, 1–44]. В мае 1934 г. появилось знаменитое постановление, восстанавливающее преподавание гражданской истории «с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности». Прежний «схематизм» был осужден. Отвлекаясь, заметим, что ему на смену придет другой, снабженный односторонне подобранными фактами и освещенный цитатами из мертвых и живых классиков марксизма. В развитие постановления было подтверждено решение организовать 5 групп историков, которые уже к июлю 1935 г. должны были подготовить учебники по «Истории древнего мира», «истории средних веков», «новой истории», «истории СССР», «новой истории зависимых и колониальных стран» [10; 18, 20].

Проблема написания школьных учебников по отечественной истории нашла отражение в литературе. Вопрос об учебнике по средневековой истории остается открытым. В данной работе автор намерен остановиться на заседании комиссии по преподаванию истории, состоявшемся 1 июня 1934 г. в Институте истории Академии. Заседание проходило под председательством А.М. Панкратовой и было посвящено обсуждению конспекта учебника по Средним векам для средней школы. Ход обсуждения и позиции сторон могут быть восстановлены благодаря хранящейся в архиве РАН стенограмме. Стенограмма представляет из себя машинописный текст, сделанный (видимо, с рукописи) 5 июня 1934 г. [11; № 278.].

Основным докладчиками были Е.А. Косминский, выступление которого занимает почти половину текста стенограммы, и А.И. Гуковский. Конспект учебника Е.А. Косминского составлял 13 страниц, более «размашистый» конспект А.И. Гуковского — 23 страницы [11; 14–15]. Медиевист составил конспект учебника, охватывающий исторический период от поздней античности до середины XV в., красный профессор — от Великих географических открытий до начала XVIII в. Сначала Е.А. Косминский изложил свое представление об общих принципах построения учебника. Будущий академик был озабочен тем, как сконструировать учебник, чтобы учащиеся седьмого класса (т.е. 14–15-летние дети) сумели освоить разнородный, богатый и сложный материал по средневековой истории. Здесь авторы учебника и школьные преподаватели, по его словам, неизбежно сталкиваются с рядом проблем. Во-первых, на все Средние века, куда в 1934 г. краткосрочно отнесли европейскую историю XVII вв., программа отводила 100 часов. По его замечанию, фактически 90 часов, поскольку 10 часов неизбежно будет потрачено на дополнительные занятия. Во-вторых, весь курс нужно структурировать по определенному количеству уроков, каждый из которых должен представлять «собой нечто цельное», «известную стержневую тему». В-третьих, разделы учебника и уроки не должны представлять для учащегося чрезмерную трудность [11; 5, 7, 23]. Е.А. Косминский рассчитывал, что общий листаж учебника займет 15 печатных листов, дополненных 2 п. л. карт и рисунков. Учебник должен был быть снабжен терминологическим словарем и именованным указателем. На усвоение «его» части будет отпущено 68 часов,

или 55 уроков. Предполагалось давать биографические характеристики исторических деятелей, но исключить выдержки из источников [11; 27, 32, 34–37]. Е.А. Косминский считал возможным в будущем дополнить учебник хрестоматией [11; 37]. Замысел в дальнейшем был реализован. См.: Хрестоматия по истории средних веков. Пособие для преподавателей средней школы. Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. М., 1938-1939. Т.1-2].

Дабы облегчить восприятие «столь далекого от современности материала», Е.А. Косминский предлагал насытить учебник и уроки иллюстративным материалом [11; 8]. Он не стал огульно ругать прежний схематизм, заявив о необходимости найти здоровый баланс между конкретикой и неизбежным в дидактике социологизмом. «Учебник, — говорил медиевист, — не должен догматически навязывать учащимся определенных социологических схем..., тот или иной вывод социологического характера должен непосредственно вытекать из того фактического материала, который дан в данном учебнике». Но нельзя и просто из «пресной воды общих рассуждений... переходить в бесплодную суть фактов». Факты и даты должны «подводить учащегося к марксистскому пониманию истории... Отрицать возможность обобщенных характеристик значило бы во всяком случае принижать качество учебника... Несомненно, надо будет давать какую-то типическую обобщенную характеристику». Также, по его словам, необходимо найти композиционный баланс между хронологической подачей материала по странам и внутренней структурой разделов, в которых группируется материал [11; 8–11].

Структура учебника, подчеркивал Е.А. Косминский, должна основываться на «материалистическом понимании истории», т.е. повествование начинать следует с экономики, с производства и производственных отношений [11; 13]. Обращаясь непосредственно к структуре написанного им конспекта, он признается, что его учебник получается похожим на дореволюционные учебники П.Г. Виноградова и Р.Ю. Виппера [11; 16–17. См. например: Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей. Ч. 1 / Под ред. П.Г. Виноградова. М., 1896; Виппер Р.Ю. Учебник истории. Средние века. Рига, 1925].

Вот характерный диалог:

— Косминский: — Первая глава посвящена вопросам завоевания Римской империи германцами, о Византии и арабах. Шаблонное начало, правда?

— С места: — По Випперу.

— Косминский: — И у Виноградова то же самое... [11; 17].

Действительно, излагаемая дальше докладчиком структура учебника мало чем отличалась от дореволюционных аналогов.

Выступление А.И. Гуковского было менее пространным. Красный профессор стремился примирить новые политические установки на хронологическое написание учебников по странам со старыми пристрастиями к схемам. Он заявил, что у авторов этой части был тройкий выбор: «Или пойти просто по странам от начала до конца, беря страну в пределах данных хронологических вех, или пойти по противоположному принципу, взять за темы глав такие социологические темы, как допустим, первоначальное накопление капитала, реформация, контрреформация, возрождение, гуманизм. Или пойти по срединному пути, который мы и взяли за основу. Мы взяли в основу историю отдельных стран, но локализуя на той или иной стране, даем обобщения. Допустим там, где речь идет об Англии, мы привлекаем материал, который наиболее полно изображает картину огораживания, перво-

начального накопления и делаем соответствующее обобщение. Там, где мы говорим об Италии, Испании, мы разворачиваем картину контрреформации, затем говорим о реформаторском движении в Германии и делаем обобщение о реформаторском движении Европы в целом» [11; 38]. Стремление к типологии сыграло с авторами злую шутку, ибо к отдельным странам им пришлось возвращаться несколько раз, более того — историю одних стран давать в одном разделе вместе с другими. Особенно в этом отношении не повезло Англии, одна глава о которой была посвящена Тюдорам и ранним Стюартам, вторая — Английской революции, третья Англии и Нидерландам в конце XVII в. На это неудобство тут же обратили внимание выступающие [11; 47]. А.И. Гуковский отвечал в том смысле, что они старались «давать материал синхронически», и если не «перемежать» английскую историю с французской (а обе страны соперничали в Европе), то она останется непонятна ученику [11; 47–48].

После выступления докладчиков началось обсуждение. Самым заметным оказалась речь близкой к красным профессорам М.В. Нечкиной. По мнению М.В. Нечкиной, конкретный материал учебника призван играть вспомогательную роль. Факты должны были быть простой иллюстрацией марксистских социологических выкладок. «Я думаю, что постановление и директивные указания, которые нам даны, отнюдь не указывают на необходимость исключения этих терминов («феодальное государство», «разложение общины» — прим. авт.), а указывают на необходимость очень умелой их подачи в конкретном материале с тем условием, чтобы была конкретика, были конкретные факты, а затем, на основе поданного материала, могли быть употреблены термины вроде «феодального государства» и т.д.» [11; 51]. Изложение Е.А. Косминского вызвало у нее совершенно определенные тревожные коннотации, а именно: напомнило ей гимназическую юность. «Первое и основное... Меня чрезвычайно пугает сходство с Виппером... Когда читаешь перечисление, там страшно много знакомых по старой школе пунктов...» [11; 49]. В экономических разделах учебника, — подчеркивает она, — следует говорить — пусть даже на 125 страницах! — «о феодальной эксплуатации..., как феодальное общество эксплуатирует трудящегося, где она видны?» Она вопрошает: «Где у вас тот же самый феодальный крестьянин, где у вас ремесленник? И никакие указания на то, что политическая история должна быть дана, не могут быть поняты в том смысле, что не надо внутренней истории, не надо эксплуатации, живой картины того, как один класс эксплуатирует другой и как это исторически развивается» [11; 52–54]. Она настаивает, чтобы такие термины как «классовая борьба» и «эксплуатация» были вынесены в название рубрик [11; 54].

Подбор исторических персонажей кажется М.В. Нечкиной случайным и не поддающимся запоминанию. Предлагаемый Е.А. Косминским портретный ряд также напомнил ей дореволюционные учебники, в которых было несколько пап по имени Урбан. Ей удавалось их сохранять в памяти, только добавляя к имени какую-то «дополнительную» букву. Так у нее появился легко запоминающийся папа «Чурбан». Она настаивает на том, что в учебнике необходимо оставить только знаковые персонажи, например, Людовика XI, с которым ассоциируется начало французского абсолютизма. Место случайных деятелей (к ним она отнесла знаменитых пап Григория VII и Иннокентия III) должно быть отдано лидерам антифеодальной борьбы [11; 55–57].

Сомнение в возможности советского школьника усвоить и запомнить весь предлагаемый Е.А. Косминским и А.И. Гуковским материал выразил П.Д. Герих. На вопрос из зала: «Почему?» он простодушно ответил: «Потому что раньше

языков много изучали. Все это память развивало, учили... А главным образом у них (гимназистов — прим. авт.) соответствующая обстановка была, а у наших ребят соответствующей обстановки нет. Жилищные условия такие... Это надо иметь в виду». Он предложил отказаться от обилия фактов и имен, т.е. «упростить» учебник [11; 58–61].

М.А. Зиновьев полагал, что во имя решения дидактических задач учебник следует строить по схематическому, или «типическому» принципу, снабдив его живыми описаниями средневековой жизни. Типология, по его словам, должна вырастать из фактов и примеров. Он ссылаясь на Евгения Онегина, который, по его словам, являлся одновременно и «обобщающим типом» и «живым» персонажем. По его мнению, учащиеся советских школ усваивают программу не хуже российских гимназистов. Отдельные трудности вызывают только темы, не имеющие современных аналогов. Он упоминает историю церкви и реформационных движений [11; 64–66].

Известный медиевист А.Д. Удальцов считал, что учебник распадается не на две, а на три части: «до IX в. примерно, затем XI–XV в., а затем XV–XVI столетия». Отметим, что эти три части чуть позже станут именоваться ранним, классическим и поздним средневековьем. На его взгляд, построены части по разному принципу и между ними нет единства. Первая часть целиком состоит из обобщений, вторая часть построена по странам, но есть и главы, посвященные типичным явлениям — великие географические открытия, например, — и третья часть, где повествование ведется по странам, но даны они «дробно» и «вперемешку». Наиболее обоснованным ему представлялось построение второй части [11; 67–70].

Выступающая следом Богусанская, учитель из села Богородское, «обслуживающая», — по ее выражению, — ребят завода «Красный Богатырь», сочла необходимым возразить П.Д. Гериху относительно развития детей в советской школе. На его взгляд, «культурный уровень ребят теперь гораздо шире». И хотя Богусанская «не работала в царской школе», она видела, что у ее школьников, которым не хватало «начитанности», наличествует «пытливое мышление, в отличие от ребят царской школы, которые воспринимали механически... Мышление у них особенное и если дать им исторический процесс, они, конечно, гораздо лучше запомнят, чем ребята царской гимназии». По ее мнению, для преподавания нужны не только яркие факты и картины, но и «обобщения». «Социологизм — это не марксизм, но голые факты — это тоже не марксизм». Она настаивает на том, чтобы авторы писали для детей доступным языком. «Надо обязательно отшлифовать учебник. Когда читаешь Гуковского, иногда трудно понять, что он хотел сказать. Читаешь одну страницу, читаешь раз, два, три. Я дома иногда сама пробую прочесть и выяснить, что автор хотел сказать, и это очень трудно» [11; 71–74].

Мнение П.Д. Гериха о невозможности для школьника за год усвоить весь материал по Средним векам поддержал Д.Н. Никифоров. Он предложил преподавать, как это было в дореволюционной школе, историю от великого переселения народов до конца XV в. в течение года. «А то, что раньше называлось новой историей, должно быть дано в следующем году... Нельзя в один и тот же год... дать и великое переселение народов, и германцев, и реформацию, и 30-летнюю войну, и революцию в Англии. Это совершенно немыслимо. Поэтому я думаю, что нам надо будет настоятельно предложить разделить на два года обучения, иначе ребята не усвоят это». Кроме того, он полагал, что весь материал учебника должен быть подчинен некоей одной (увы, не названной им) идее» [11; 75–78].

Н.Н. Ванаг призвал присутствующих не бояться перегрузить учебники, и того, что дети не смогут усвоить материал. Он сказал, что раньше в учебниках конкретика заменялась социологической «словесностью» [11; 79,81].

С заключительным словом выступил Е.А. Косминский, который возражал М.В. Нечкиной и постоянно перебивавшему его Н.Н. Ванагу. Он отметил, что в его конспекте учебника присутствуют «экономика» и «эксплоатация», в значительном количестве. Там есть «эта марксистская схема..., она уже обратила не себя внимание». На вопрос Н.Н. Ванага, не оправдывается ли автор, Е.А. Косминский ответил: «Я лично не оправдываюсь... В учебнике своем буду проводить в основном твердую марксистско-ленинскую основную линию в своем понимании. Я на это указывал, что как бы ни подавать факты, но марксистско-ленинская социология, постановка совершенно определенных проблем должна пронизывать все изложение... Я принужден еще раз сказать, что через мое изложение проходит совершенно определенная марксистско-ленинская система, что вопросы экономики я достаточно осветил» [11; 82–84, 85]. Далее он отметил, что участие в составление конспекта принимали разные люди и что между ними есть разногласия. У него, например, есть «расхождения с тем построением, которое давалось здесь для истории XVI и XVII вв». Ему представлялось, что если не перегружать уроки, то обширный материал учебника можно будет уложить в год. За основу следует взять понимание типологии, изложенное М.А. Зиновьевым. Руководитель группы не находил количество исторических деятелей, выведенных в учебнике, чрезмерным [11; 86–90].

Подведем итог. Заседание показало, что в составлении конспекта учебника и его обсуждении приняли две группы историков, стоящих на сильно отличающихся позициях. Е.А. Косминский в значительной степени опирался на собственный гимназический опыт и воспроизводил структуру, уже опробованную в дореволюционных школьных пособиях. При этом он стремился соединить традицию старой школы с марксизмом середины 1930-х гг. Другой подход демонстрировали красные профессора, признающие за конкретикой лишь функцию иллюстрирования схематизма и марксистского социологического вокабулярия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Директивы ВКП(б) и Постановления Советского правительства о народном образовании. Сб. док. за 1917–1947. Вып. 1. М., 1947.
2. О положении и задача[х] на фронте исторической науки. (Резолюция, принятая на объединенном заседании ячейки ВКП(б) Института Истории ЛОКА и Фракции Ленинградского общества историков-марксистов от 5 Февраля 1931 г.) // Европа. Международный альманах. Вып. IV. Тюмень, 2004.
3. Тезисы фракции Совета Общества историков-марксистов «О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период». Приняты 6 февраля 1931 г. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф.227. Оп. 2.
4. Артизов А.Н. Николай Николаевич Ванаг (1899–1937) // Отечественная история. 1992. № 6.
5. Пихоя Р.Г. Востребованная времен история. Отечественная историческая наука в 20–30-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2004. № 4.
6. А.М. Дубровский. От проблем исторического образования к новому облику исторической науки <http://opentextnn.ru/history/historiografy/?id=2991>.

7. Козлова Л.А. Институт красной профессуры (1921–1938 годы) // <http://knowledge.isras.ru/sj/sj/94-1-7.html>. Институт красной профессуры вошел в Комакадемию, как известно, еще в 1930 г.

8. Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Западноевропейское средневековье в Институте Истории РАНИОН (по материалам ГАРФ) // Европа. Международный альманах. Вып. 7. Тюмень, 2007.

9. См. например, доклад Г.С. Зайделя, сделанный в Институте Истории Ленинградского отделения Комакадемии. Заседание Института истории ЛОКА по основным задачам историков от 15.04.1934 г. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф.227. Оп. 2.

10. Из постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР от 16 мая 1934 г. В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП(б) // К изучению истории: Сб. Б.м., 1937.

11. Архив РАН. Ф. 359, оп. 1. Стенограмма заседаний Комиссии по преподаванию истории и по докладу Косминского Е.А. и содокладу Гуковского А.И.

*Анастасия Викторовна МОРДВИНЦЕВА —
аспирант кафедры отечественной истории
Института истории и политических наук
Тюменского государственного университета
mordvintseva@inbox.ru*

УДК 94:321.1(571.12)

РОЛЬ ВЛАСТИ В СТРУКТУРЕ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЮМЕНСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА за 1945–1953 гг.)*

THE ROLE OF MUNICIPAL ADMINISTRATION IN THE STRUCTURE OF URBAN EVERYDAY LIFE (MATERIALS OF TYUMEN TOWN COUNCIL ACTIVITY from 1945 to 1953)

АННОТАЦИЯ. Автор осуществляет изучение городской среды Тюмени в рамках антропологически ориентированного исследовательского подхода, известного как история повседневности. Предпринята попытка представить общую картину деятельности местной власти и установить ее роль в формировании городского пространства. Статья основана на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот.

SUMMARY. The author examines urban environment of the town of Tyumen within the context of anthropologically oriented scientific approach known as history of everyday life. The author makes an attempt to present the general picture of municipal administration activity and to determine its role in formation of urban space. The present article is based upon archive recordings that have been put in the scientific circulation for the first time.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Городская повседневность, городская среда, деятельность Тюменского городского Совета.

KEY WORDS. Town everyday life (town routine), urban environment, activity of the Tyumen town council.

* Работа выполнена в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № П431.